

000

Алексей Сурков

Дороги
ведут
на Запад

Молодая Гвардия 1942

Алексей Сурков

**ДОРОГИ
ВЕДУТ
на
ЗАПАД**

*Книга
стихов
январь —
май
1942
года
Западный
фронт*

*Издательство ЦМ ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1942*

Редактор *М. Дальцева.*

Подписано к печ. 11/IX 1942 г.
Л75411. 1³/₄ печ. л. 65 600 зн.
в печ. л. 1,78 уч.-изд. л.
Тир. 30 000. Зак. 1249.
Цена 1 руб.

Ф-ка юношеской книги
издательства ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия».

*В громе яростных битв пролетают над нами
Беспокойные, грозные, трудные дни.
Встань, поэт, перед строем, под красное знамя
И в глаза современникам прямо взгляни.*

*Ты сопутствовал каждому нашему шагу,
Все мы вместе встречали тревожный рассвет.
Как отчизне на верность приносят присягу,
Присягни нам на песню, окопный поэт.*

*Все движенья солдатской души карауля,
Кровью сердца пиши нам про наши дела,
Чтобы песня заклатьем от смерти и пули
На солдатское верное сердце легла,*

*Чтобы после великого часа победы
Молодые наследники нашей земли
Песнь о том, как сражались и верили деды,
Красным знаменем славы в века унесли.*

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

НОВОГОДНЕЕ РАЗДУМЬЕ

Счет минутам ведет бесстрастное время.
Радость первой удачи приносят бои.
Мой народ! Испытаний тяжкое бремя
Принял ты на могучие плечи свои.

Кровь и кровь. И слез бескрайное море.
В сером пепле пожарищ лежат города.
Надо мною, с полночной метелью споря,
Всходит в небе народной надежды звезда.

В белом поле знобящая дробь перестрелки.
Глушит ветер обрывки чужих голосов.
Как всегда, золотые сходятся стрелки
На большом циферблате кремлевских часов.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

Видно, уж нам дорога такая —
Жить на земле от войны к войне.
Плещет речушка, у ног протекая,
Ласточки гнезда выют на стене.

В золоте полдня сосен верхушки,
Солица звящего край непочат.
А из-за леса тяжелые пушки,
Не уставая, кричат и кричат.

Кто запретит в этот полдень кричать им?
Что им до радостной боли зерна!
Им ведь не слышно, что вешним зачатьем
Каждая травка напряжена.

Пусть с тишиной наши судьбы в разладе.
Мы не хотим под ярмом одичать.
Ради цветенья и радости ради
Мы заставляем железо кричать.

Пусть наше время жестоко и дико.
Вытерпи! Землю ногтями не рви.
Мы для детей из железного крика
Выплавим светлую песню любви.

К ВОПРОСУ О ВЕСНЕ

Грачи гуляют под сосной.
В пару, как в молоке, долина.
Нам с января грозит весной
Маньяк кровавый из Берлина.

Ну что же? Вот весна пришла!
Над громом пушек шум потока.
Встает, умыта и светла,
Заря весенняя с востока.

Родных просторов шум живой
Растет и ширится за нами.
Заря над нашей головой
Горит, как полковое знамя.

И воинов зовет земля
Туда, где фронтом лог разрезан.
И мы идем вперед, паля
Огнем немецкое железо.

Мы на огне закалены.
Сердца обуглило страданье.
Врагу цветы своей весны
Мы не дадим на поруганье.

Недаром, ладя стремена,
Мурлычет конник у колодца:
«Не для тебя придет весна,
Не для тебя Дон разольется...»

ТАНКИ ИДУТ В АТАКУ

Суглинок, примятый текучими тропами.
Чернильные тени на желтой траве.
Ступая по пеплу плоскими лапами,
С исходной срываются танки КВ.

Проходят вдоль поймы, вдоль древнего волока,
Сквозь блестящие нити весеннего дня.
От вражьих снарядов, как бронзовый колокол,
Гудит раскаленная боем броня.

В ложине, изрезанной рвами и дзотами,
Танкисты играют со смертью слепой.
И гибнут орудия вместе с расчетами,
Расплющены насмерть тяжелой стопой.

Земля от разрывов взлетает фонтанами
Под небо невысшимой голубизны.
Покрытые копотью, рваными ранами,
Трубят, наседая, стальные слоны.

За танками вслед, над окопами смятыми,
Над речкой, сверкающей жидким стеклом,
Стреляя, крича, поражая гранатами,
Пехота стремительно входит в пролом.

Лучами, до ряби в глазах накаленными,
Разбужены травы от змиего сна.
Шума на ветру полковыми знаменами,
На запад пошла в наступленье весна.

ПЕРВОМАЙСКАЯ БАЛЛАДА

Поет, пролетая, снаряд
Над прелью весенней земли.
Четвертые сутки подряд
Ресниц мы смежить не могли.

Свистящий осколочный град
И гул от разрывов тупой.
Четвертые сутки подряд
Идем мы кровавой тропой.

Тревожные звезды горят
Над влажной землей в вышине.
Четвертые сутки подряд
Мы путь пробиваем в огне.

Расстрелян последний патрон.
Усталостью пальцы свело.
Но все-таки наш батальон
С рассветом ворвался в село.

Взорвался последний фугас.
Смолкает винтовочный лай.
И вспомнили мы, что у нас
Сегодня, с утра, Первомай.

И, будто прозревшие вдруг
От темной, как ночь, слепоты,
Увидели мы, что вокруг
Черны от ожогов кусты.

И, будто прозревшие вновь,
В рассветной густой синеве
Увидели свежую кровь
На вешней зеленой траве,

И холод страдальческих губ,
И дикую пляску огня,
И тени обугленных труб
В сверканье весеннего дня...

Слепящая ярость вперед
Рванула усталых людей.
За речку мы бросились вброд
По пояс в холодной воде.

Греми, нашей ярости гром,
Штыками преграды ломай!

Вот так мы в сорок втором
Встречали свой Первомай.

СКВОРЦЫ ПРИЛЕТЕЛИ

Чужих указателей белые стрелы
С высоких столбов срывают бойцы.
Над пеплом сырым, по ветвям обгорелым
Тревожно снуют погорельцы-скворцы.

К знакомым местам из-за теплого моря
Они прилетели сегодня чуть свет,
А здесь — пепелища в крови и разоре.
Ни хат, ни ребят, ни скворешника нет.

Ну, как это птичье бездомное горе
Отзывчивой русской душе не постичь?
Сощуришь от солнца, на вешнем просторе
Волнуется плотник-сапер костромич.

— И людям мученье, и птицам не сладко
На этих пропащих дорогах войны.
Я так полагаю, что новую хатку
Саперы срубить погорельцам должны...

Звенят топоры. Зашуршали рубанки
Над прелью пропитанной кровью земли.
Горелые доски, и старые планки,
И ржавые гвозди в работу пошли.

Червонного золота желтые пятна
Весна разбросала по плоским штыкам.
Сегодня мы плотники. Любо, приятно
Стругать эти доски рабочим рукам.

И кровля и стенки отструганы гладко.
Соленые капли набухли на лбу.
Над пеплом пожарища новая хатка
Уютно белеет на черном дубу.

Мы снова появимся в местности здешней,
И дружно под теплым весенним дождем
Посадим дубы, и под новой скворешней
Венцы человечьей судьбы подведем.

СОВРЕМЕННОИКИ

СОВРЕМЕННОИКИ

Мы — современники трудного века.
Путь наш начертан полетом свинца.
Мы защищаем права человека
И беспощадны в бою до конца.

Слушайте, дальние наши потомки,
Слово вступающих с гибелью в спор.
Ночью в порывах февральской цоземки
К мосту сползает ваш предок сапер.

Боль обожгла его сердце простое.
Платит он времени страшной ценой.
Руки, сложившие эти устои,
В бездну свергают пролет кружевной.

Слушайте, дальние наши потомки,
Слово того, кому гибель грозит.
Наст прогибается тонкий и ломкий.
Предок разведчик на лыжах скользит.

Миг неожиданной схватки недолог.
С ходу, гранату поставив на взвод,
Он, житнетворец, ученый биолог,
Ткани живые осколками рвет.

Войны вести не легко и не просто.
Горько шагать по кровавой росе.
Люди обычного, среднего роста,
Мы жизнетворцы, стронтели все.

Выбора нам не давала эпоха.
Силой и сталью решается спор.
Вот почему до последнего вздоха
Будет сражаться ваш предок сапер.

Слушайте, дальние наши потомки,
Песню, которую предок поет.
К свету лицом, раздвигая потемки,
Мой современник с винтовкой встает.

В этом простом и напористом малом
Скрыт титанической силы запас.
Он, окрещенный огнем и металлом,
Мир отстоит для себя и для вас.

РАЗГОВОР С БУДУЩИМ

Сталь кромсает ночную тьму,
Человечью жизнь карауля.
И никто не скажет, кому
Завтра в поле встретится пуля.

Беспокойный мы все народ.
С нами всякое может статься.
И желаем мы наперед
Перед будущим отчитаться.

И свою судьбу и мечту
Огрубелыми голосами
Мы потомкам начистоту,
Без утайки, расскажем сами.

Нам сулили в спину ножи
Проклинающие кликуши.
Не жалели яда ханжи,
Чтобы ранить большее души.

Все за то, что в годину бед
Мы уверовали в человека
И пошли за Лениным вслед
Против ветра старого века;

Что дорогу в кромешной мгле
Мы нащупать сами сумели;
Что о рае здесь, на земле,
Мы всерьез помыслить посмели;

Что от всех обуз и помех
Мы сердца свои расковали;
Что для общего счастья всех
Личной радостью рисковали.

Коммунизм — наша жизнь и честь.
Нам не жить при иных режимах.
Принимай нас таких, как есть,
Неуживчивых, одержимых.

Мы в бою познали себя,
Продираясь сквозь холод смерти.
Эту жизнь земную любя,
За нее деремся, как черти.

С гордо поднятой головой
Мы любой ураган встречаем
И за каждый поступок свой
На земном суде отвечаем.

Тот не прячет стыдливо глаз,
Кто для жизни презрел химеры.
Ведь такой, какая у нас,
Нет прочнее и чище веры.

ИСПОВЕДЬ ВОИНА

Ты так себе в книжку и запиши:
Иван Тимофеев, энская часть,
Был русский по крови и складу души,
Считая отчизной советскую власть.

Что в жизни он делал и дело и чушь
(Пытался стихи сочинять например!),
Что был он в свободное время не чужд
Томлений души и возвышенных сфер.

Что с немцем дерется с первого дня,
Что в роту, как дуб корневищами, врос.
И хватит...

А нынче волнует меня
Один совершенно абстрактный вопрос.

Здесь ночью и днем возле смерти кружись.
И шансов на верную гибель не счастье.
У них ведь и рай и загробная жизнь
Для сердца, как в комнате форточка, есть.

А мне не снится райская твердь,
Где жизнь бесконечной рекой потечет.
Мне если уж смерть, так действительно смерть,
Со всем и со всеми последний расчет.

Когда пролетают снаряды, трубя,
Не тешит мне душу красивый обман.
Но я не кляню ни судьбу, ни себя
За то, что продрался ~~сквозь~~ этот туман.

Едва я глаза, как спросонок, протер,
Поверил в себя и поверил в людей,
Такой перед сердцем открылся простор,
Что стой, очарованный, и холодей.

Все старые чувства вдруг стали новы.
В волненьях хозяйских трудов и забот
Познал я, что волос с моей головы
Без воли моей никогда не падет.

В трудах и боях, на подъемах крутых
Учился терпенью и дерзости я,
А судьями были в поступках моих
Лишь благо народа да совесть моя.

Я строил упрямо свой рай на земле.
Я счастье нашел, пробиваясь сквозь тьму.
И этот вот штык и пуля в стволе
Его прикрывают и служат ему.

В бою, не жалея ни крови, ни сил,
Плачу я по счету обиды сполна.
За то, что я бережно в сердце носил,
И бой не обуза и смерть не страшна.

Поэтому взгляд мой и ясен и чист
И тверд у плеча трехлинейки приклад.
Аз есмь Тимофеев Иван, коммунист,
Воспитанник Сталина, русский солдат.

С В Я З И С Т

Памяти комсомольца Новикова

Он линию едва срастить успел,
Когда, вплетаясь в посвист ветровой,
Чужой свинец пронзительно запел
Над низко наклоненной головой.

Осенний день бесцветен был и хмур.
Дрожал от взрывов подмосковный лог.
Связист зажал зубами тонкий шнур
И за сугроб, отстреливаясь, лег.

Бессилен был руки последний взмах,
Кровь остудил укол свинцовых жал,
Но в белых, крепко стиснутых зубах
Он черный шнур упрямо удержал.

Лишь через час его в снегу нашли.
В больших глазах застыла синева,
Меж мертвых губ по проводу текли
Живой команды твердые слова.

Связист и в смерти не покинул пост,
Венчая подвигом свой бранный труд.
Он был из тех, кто, поднимаясь в рост,
Бессмертие, как города, берут.

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

Вся ночь пролетела, как страшный бред.
Расстрел назначили рано.
А было ему шестнадцать лет,
Разведчику-партизану.

В сених умирал заколотый дед,
Сестренке ломали руки.
А он все твердил упрямое — «нет!»
И стоном не выдал муки.

Вдоль сонной деревни его вели
В пустое, мертвое поле.
Морозные комья стылой земли
Босую ступню кололи.

Мать вскрикнула тонко, бела, как мел,
И в поле вдруг стало тесно.
А он подобрался весь и запел
Свою комсомольскую песню.

На залп он качнулся лицом вперед
И рухнул в холодный пепел.
Ты понимаешь? Такой народ
Нельзя заковать в цепи.

БЕССМЕРТИЕ

Товарищи твои за поворотом
Скрываются, тесня врага в логоу.
Лишь ты один перед разбитым дотом
Лежишь, раскинув руки, на снегу.

Лишь ты один на белом поле боя
Лежишь, закончив свой последний бой.
И мартовское небо голубое
Эпически просторно над тобой.

В оврагах эхо воеет одичало.
Пришельцу мстит за мертвого живой.
Здесь, на снегу, начертано начало
Твоей бессмертной славы боевой.

Из камня благородного изваян,
Прямой, как очертания штыка,
Своей земли защитник и хозяин,
Ты песней доблести войдешь в века.

Ты дерзко молод и поныне,
Но лучики у глаз легли
И жгучие ростки полны
Сквозь ткани сердца проросли.
Как мне знакомо жженье это!
По нем я в памяти найду
Незабываемое лето
В забываемом году.
Смоленский тракт, сухой и гладкий,
Во взбаламученной пыли,
До боли белые палатки
На комьях выжженной земли,
Огнем обугленные шпалы,
Винтовки в скрюченных руках,
Ночные душные привалы
На белорусских большаках.
Ворочаясь на мшистом ложе
В прошитой бомбами ночи,
Мы слышали, как, сон тревожа,
Сирена в городе кричит,
Как бомбовой горячий ветер
Визжит, разбрызгивая кровь,
Как, плача, жалуется дети
У дымных беженских костров,
Как вслед трассирующей пуле
Колелет ночь железный гул.

Кто от бессонниц тех, в июле,
Не стал немножечко сутул?
В тех днях, расколотых снарядом,
Не сдал, не оступился я.
И было радостно, что рядом
Стояла молодость твоя.
Те дни отчетливей и резче.
Железом выжжены в душе.
Смоленский Днепр о берег плещет,
Шурша в пожухлом камыше.
В горячке беспокойных буден
Я Днепр смоленский не забыл.
Быть может, он и тих, и чуден
Еще совсем недавно был.
А в эти дни свирепый ветер
Сгибал березы за Днепром,
Был ясно слышен на рассвете
Далекий гаубичный гром.
И через Днепр по кромке ила
Шли бесконечные стада.
Здесь дружбой нас соединила
Большая летняя беда.
Черней осенней ночи вести
К нам шли из-за Березины,
И каждый понял — только вместе
Мы этот груз поднять сильны.
Сквозь ночь, казавшуюся адом,
В рассвет поверив горячо,
Мы стали продираться рядом,

Рука к руке, к плечу плечо.
Где всех кругом подряд косила
Войны железная коса,
Любви и ненависти сила
Сливала наши голоса.
Сквозь дым ночей и сумрак серый
Мы бережно несли вперед
Негаснущее пламя веры
В наш русский, в наш родной народ.
А тех, кто верить не устали,
Союзом душ роднит беда.
Такая дружба крепче стали,
Она приходит навсегда.

ПИСЬМО

Как волны морские бегут к кораблю,
Вливалась толпа в суматоху вокзала.
Короткое тихое слово «люблю»
Ты мне, расставаясь, в тот вечер сказала.

Звонки прозвенели. Ушел эшелон
В пространство, от горького дыма густое.
И вместе с вокзалом ушло под уклон
Все близкое, теплое, обжитое.

По цвету петлиц я — армейский сапер,
Ефрейтор по званию и воин по праву.
Ведем мы с врагами отчаянный спор
За мост, за дорогу, за переправу.

Где носится в воздухе рваный металл,
Кипит беспокойная наша работа.
Я долго недели разлуки считал,
Да все перепутал и сбился со счета.

Но чуть поднимает тревога в ружье
И ночью ведет по переднему краю,
Я сердцем и голосом имя твое,
Как слово заклятья, всегда повторяю.

Я не суеверен. Но здесь говорят —
Любимых, по старой солдатской примете,
Не трогает пуля, обходит снаряд.
И верю я в глупые рассказы эти.

И веры своей я ни с кем не делю,
Той верой наполнено сердце живое.
Короткое тихое слово «люблю»
Не гложет в метельном пронзительном вое.

А если и мне захлебнуться в крови,
Пусть слово друзей прозвучит приговором:
Он верен был в дружбе и верен в любви,
Ну, словом, он был настоящим сапером.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Пушится белый иней на ресницах.
Мороз крепчает, сердце леденя.
Ты дремлешь у холодного огня.
Тебе сегодня дальний город снится.

Все в крупных звездах зеркало реки.
Робки зарниц полночных поыханья.
Ты чувствуешь близко у своей щеки
Палящий жар девичьего дыханья.

И радостно, и весело, и жутко
От этого внезапного тепла,
Как будто голубая незабудка
Сквозь ледяную корку проросла.

Как будто грома первому раскату
Отозвались баяны вдалеке...
Немного надо для души солдату,
Когда солдат продрог на сквозняке.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Н а совесть отрыта землянка.
Сосновый накат в три ряда,
И хлеб, и консервная банка,
И русская злая вода.

Не скоро мы выйдем из драки
И встретимся в доме своем.
Давайте, за час до атаки,
Паек фронтовой разопьем.

По-братски в железные кружки
Сердитую воду разлей.
Со смертью в стальные игрушки
Всем вместе играть веселей.

В неистовом лязге и вое
Мы кружки осушим до дна
За сердце солдата живое,
За будущие времена,

За мужество — наше богатство,
За пушечный грозный набат,
За наше солдатское братство
Прямых и упрямых ребят,

За наши рабочие руки,
За радость и творческий труд,
За время, которому внуки
Сравнений не подберут.

КЛЮЧИ К СЕРДЦУ

Привычной меркой без толку не мерьте
Все, что грозой войны потрясено.
Гому, кто ходит близко возле смерти,
На свете видеть многое дано.

Мы стали все придирчивей и резче,
Изведав тревождения войны.
Для нас теперь поступки, люди, вещи
Дрожащим светом битв освещены.

Мы видим все отчетливей и дальше
В годину потрясений и разрух.
Ревниво ловит дребезжанье фальши
В литых словах наш обостренный слух.

Когда снега багрились кровью ало,
С души солдатской — что таить греха! —
Как мертвый лист по осени, опала
Красивых слов сухая шелуха.

Душа бойца взыскательна, сурова.
Не ей витийству пышному внимать.
Мы стали молчаливей. С полуслова
Привыкли мы друг друга понимать.

На сквозняке больших событий стоя,
В звезду свою поверив до конца,
Лишь слово правды, честное, простое,
Готовы мы принять в свои сердца.

И если ты встаешь под наше знамя,
Сядь рядом с нами у костра в ночи.
Тот, кто печаль и радость делит с нами,
К душе солдатской подберет ключи.

ДОРОГИ ВЕДУТ НА ЗАПАД

ДОРОГИ ВЕДУТ НА ЗАПАД

Даже ельник на стуже насквозь продрог,
Даже звезды жмутся к луне,
А они идут вперед без дорог,
По сугробам, по целине.

А они идут по пояс в снегу,
В темных чащах торят пути.
От стремительной скорости их врагу
Не укрыться и не уйти.

Ни огонь, ни сталь не страшат молодых.
Ведь в селе, у реки, внизу,
Поседевшие матери встретят их,
Утирая платком слезу.

Ведь навстречу им выйдет из леса дед
С автоматом чужим в руке.
— Дорогие... — шепнет им солдатка вслед
На родном-родном языке.

Кто прошел здесь с мечом, от меча умрет,
Как легла Бонапарта рать.
Каждый куст опаленный зовет вперед,
Каждый мертвый велит карать.

Пусть метель по полям не устанет мечь.
Не собьются полки с пути.
Их на запад ведут любовь и мечь,
И врагу от них не уйти.

НАСТУПЛЕНИЕ

Вихря над черствым снегом башлыки,
В немецкий строй врубаясь с двух сторон,
По деревенским гумнам от реки
Врага на запад гонит эскадрон.
Вослед летучей коннице рассвет
Идет с востока, золотя клинки.
А у плетня седобородый дед
Стоит и шепчет:

— Добрый путь, сынки!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В громовую песню карающей стали
Вплетен пулеметный крутой говорок...
Я знал вас в июле. Вы в памяти встали,
Покрытые пылью военных дорог.
Прошли, отступая, сквозь огненный дождь вы,
Обиду и горечь скрывая в груди.
Казалось, земля прожигала подошвы
И камни кричали: — Не уходи! —
Воронки зияли дымящейся бездной.
Прохладой не звал пересохший поток.
Вы честно сражались. Но ветер железный,
Крепчая, теснил и теснил на восток.
Вы приняли горечь смертельной отравы.
То жженье в сердцах и поныне свежо.
Я помню — минер, подорвав переправы,
Кричал, обернувшись на запад:
— Ужо!
Ужо мы за все расквитаемся с вами.
Ужо мы вернемся... —
Бессилен и мал,
Он пал на колени в обугленной яме
И жаркую землю в слезах обнимал.
Бессчетны походные ваши становья.
Обид и могил на дорогах не счесть.
Победный декабрь на полях Подмосковья
Прославил оружия русского честь.
На запад уходят военные грозы.

Забрезжили близко Днепра берега.
За ваши мужские июньские слезы
Сугробы окрашены кровью врага.
Вас эти дороги знакомые ждали,
И ждали деревни, одетые в чад.
— Мы ждем вас! —

кричат оскверненные дали,

И камни:

— Убей! —

из-под снега кричат.

ВПЕРЕДИ — БЕЛОРУССИЯ

Как близко, как знакомо все кругом!
Полки идут, широкий след стеля,
Туда, где под немецким сапогом
Томится белорусская земля.

Идут через овраги и леса.
Идут от высоты до высоты.
Встречают их родные голоса:
— День добрый вам, желанные братья!

И слышат наши русские сердца
Полей и рощ опустошенных грусть.
Не убежит от ярости свинца
Мучитель твой, родная Беларусь.

ВСТРЕЧА

Хрустит снежок морозный, жесткий,
Взбегают сосны на бугор.
Сквозь лес, минуя перекрестки,
На запад держит путь дозор.
Таятся лисы в снежных норах.
За тучей «Юнкерс» воет зло.
Дозорный ловит каждый шорох,
Входя в отцовское село.
Здесь с детства все ему знакомо,
Здесь тропка каждая мила.
Был дом родной. Не стало дома.
И детства нет. И нет села.
По пепелищу ветер рыщет.
Под серым пеплом черный сруб.
На тополе, над пепелищем,
Качается тяжелый труп.
Качается понурый, синий,
Опоры нет ему нигде.
Сжат черный рот. И белый иней
Застыл в дремучей бороде.
Как над открытою могилой,
Дозорный сгорбился, скорбя.
Он глухо шепчет: — Батя... милый...
Хороший... Как они тебя... —
И, пересиливая муку,
Он гладит зипуна обшлаг,
Целуя ледяную руку,

Упрямо сжатую в кулак.
А русский снег кругом — как море.
А даль зовет — пора итти!
И он идет вперед... И горе
Тому, кто встанет на пути!

ВОЗМЕЗДИЕ

Детей убил и дом поджег,
К своим, на запад, убегая.
Но вилы подсекли прыжок,
И шею жмет петля тугая.

Хрипящего, подняв с земли,
Набив за пазуху солому,
Шесть русских женщин повели
Его к пылающему дому.

Он слезы труса не утер,
Моля и воя оголтело.
Шесть женщин бросили в костер
Его увертливое тело.

Глушил далекий пулемет
Его предсмертные рыдания...
Лишь тот жестокость их поймет,
Кто знает меру их страдания.

До полей Подмосковья от Березины
Я прошел по дорогам войны.
Много горечи жгучей на сердце легло.
Как поднять эту тяжесть сердце могло?
Я видал, как пылали в ночи города;
Как тянулись гуртами к востоку стада;
Как смолкали над нивами птиц голоса;
Как зверье покидало родные леса;
Как в расплавленном мареве, в едкой пыли
Толпы беженцев, горем прибитых, брели;
Как в полях, осененных июльским теплом,
Смерть витала над ними холодным крылом.
Не забуду, пока я живу на земле,
Крючья черных крестов на железном крыле.
Слышал я по ночам леденящие кровь
Плач и стоны малюток у дымных костров.
Слышал я, как вплетались в гром батарей
Причитанья сраженных тоской матерей.
Детской кровью дымились пути на восток.
Как свидетелей сердца, на суд позови
Молодечно и Брест, Волковыск, Белосток,
Слоним, плававший в детской, невинной крови...
Те, кто выжгли из сердца и совесть и честь,
Лили кровь из ребячьих разорванных жил.
На дорогах народного горя не счесть
Безымянных, затерянных детских могил.
Помню — лес белорусский в полдневной красе.

Чуть трепещет под ветром кленовый листок.
На клубящемся пылью оршанском шоссе
Человечьего горя бескрайный поток.
И над плачем детей, над мычаньем коров,
Над примятой ногами пожухлой травой
Возникает моторный пугающий рев,
Посвист пуль и пронзительный бомбовый вой.
«Мессершмитты» ушли за сосновый лесок
С воем, волчьего воя лютей.
Разгребая ногтями горячий песок,
Хоронили живые убитых детей.
Подойди к матерям!

Загляни в их глаза,
Им в сверкающий солнечный полдень темно.
Не смягчит материнского горя слеза,
Если горькие слезы иссыкли давно.
На дорогах войны, под немецким свинцом,
Продираясь сквозь бомбовый чад,
Поднимаются тени, на запад лицом,
Криком сердца о мщенье кричат.
Если был ты на крестном народном пути,
Слышал зверя железного рык,
Никогда не забудь, никогда не прости
Этот сердцем исторгнутый крик.
Можно снова из пепла поднять города,
Песней радость строительства взвить,
Но убитых детей не вернуть никогда,
Раны сердца не заживить.
Слышу девочки раненой жалобный стон,

ДЕВУШКИ НАШЕЙ СТРАНЫ

ДЕВУШКИ НАШЕЙ СТРАНЫ

Быть может, и статней и краше
Других ты встретишь на пути,
Но девушек таких, как наши,
Во всей вселенной не найти.

Где конник звякнет стременами,
Где вихрь войны трубит трубой,
В шинелях серых рядом с нами
Идут девчата в смертный бой.

Когда палач ломает руки
И путь на виселицу крут,
Они на гибель и на муки
Солдатской поступью идут.

Они не дрогнут под снарядом
И сквозь железную пургу
Глядят прямым и дерзким взглядом
В глаза надменному врагу.

Кто видел молодость чудесней?
Чья ярче, радостней весна?
Уже сегодня стали песней
Их молодые имена.

Звонит курантами Кремля
Их верности стальная сила.
Благословенна та земля,
Что девушек таких взрастила.

ТАНЯ

Расстались они у лесного костра.
— Прощайте, подружки! В дорогу пора.
По отблескам зарев, по вспышкам огня
В ночной темноте узнавайте меня. —
Ноябрьская полночь поземкою бьет,
А девушка Таня идет и поет:
«Уж враг отступает пред нашим полком.
Какое блаженство быть храбрым бойцом!..»

Багровыми бликами рдеют снега.
Пылают в округе берлоги врага.
Здесь Таня на крыльях метели прошла,
И след ее легкий пурга замела.
У края деревни в ненастной ночи
Схватили, скрутили ее палачи.
Огнем прожигают, прикладами бьют,
По черствому снегу нагую ведут.

Молчанья враги победить не могли,
И девушку Таню на казнь повели.
Вкруг шеи тугая петля обвилась,
Змеинными жалами в горло впилась.
Над смертью, сквозь вьюгу седую и дым,
Она прокричала друзьям молодым:
— Не страшно мне гибнуть за русский народ!
Боритесь, товарищи! Сталин придет!

Над свежей могилкой поземка вьюжит.
В могиле отважная Таня лежит.
Как солнце весны, молода и светла,
За родину юность она отдала.
На запад с боями проходят полки,
И девичья песня ровняет штыки:
«Уж враг отступает пред нашим полком.
Какое блаженство быть храбрым бойцом!..»

ПАРТИЗАНКА ЛИЗА

Белая березанька у хаты
Наклоняла ветви до земли.
Мимо хаты пьяные солдаты
В город Пено девушку вели.

Болью сердце девичье томили
И огнем пытали и водой, —
Никакие муки не сломили
Верность партизанки молодой.

Были ветра горькие заплачки
В эту ночь осеннюю долги.
На путях, у старой водокачки
Расстреляли девушку враги.

Мать-отчизну девушка любила,
Для нее дышала и жила.
И на свете никакая сила
Сбить ее с дороги не могла.

Солнце мая сгонит саван белый,
Зашумит весенняя трава.
Вечно в песнях молодости смелой
Будет Лиза Чайкина жива.

ДЕВУШКА В ШИНЕЛИ

Вспомни ночь метельную, шальную,
Вспомни домик на краю села,
Как в семью знакомую, родную,
Ты в блиндаж к разведчикам пришла.
Ты вошла уверенно и просто
В круг солдатской дружбы фронтовой,
Девушка в шинели не по росту,
Дорогой товарищ боевой.

Нас метель несла на крыльях белых
По полям заснеженным вперед.
Ты среди отчаянных и смелых
Шла с гранатой на немецкий дот.
И в лицо непрошенному гостю
Несся гневный, дерзкий окрик твой,
Девушка в шинели не по росту,
Дорогой товарищ боевой.

Ты проходишь, плечи не сутуля,
Самым смелым равная в бою.
Не посмеет вражеская пуля
Посягнуть на молодость твою.
Долго будут помнить нашу поступь
Снеговые дали под Москвой,
Девушка в шинели не по росту,
Дорогой товарищ боевой.

ПЕСНЯ О СЛЕПОМ БАЯНИСТЕ

ПЕСНЯ О СЛЕПОМ БАЯНИСТЕ

*Посвящается Мише Попову,
слепому баянисту воздушно-
де партной бригады имени
Кирова.*

Запев

Не много в жизни надо нам!
Мы мертвым полем шли
И в поле том нежданно
На песню набрали.

Солдатских дум избранница,
Она и здесь жива.
И здесь к ней сердце тянется,
Как к солнышку трава.

Над песней ветер крутится,
Задира и буйн.
Сквозь снежную распутицу
Ее ведет баян.

Старинная, не повял,
Она цветет в груди.
Ведь зарево багровое
За Нарой, впереди.

Ведь снег чернеет пятнами,
А за спиной Москва.

И стали вновь понятными
Старинные слова.

Огонь метнулся и погас
В кустах между ветвей.
«Настал, настал тяжелый час
Для родины моей».

«Настал, настал тяжелый час
Для родины моей.
Молитесь вы, женщины,
За ваших сыновей!»

Сечет струя упрямая
По снежной целине.
«Трансваль Трансваль,
Страна моя,
Ты вся горяшь в огне».

Осколки падают к ногам,
А с песней ночь тепла.
Откуда ты в железный гам
К нам в гости забрела?

Песня первая

Шуршит свинец в нежатой ржи,
В некошенной траве.
Мы защищаем рубежи
На подступах к Москве.

Над речкой Нарой черный дым.
Сечет железный град.
А мы по грудь в земле сидим
И ни на шаг назад.

Невзрачен день, а ночь длинна,
А непогода зла.
В такую непогоду война
К нам гостя привела.

Пришел парнишечка чудной
В наш неуютный стан.
Тяжелый ящик за спиной,
В том ящике баян.

Сосновой палкой впереди
Нащупывает путь,
Зовет и просит: — Проводи
К бойцам куда-нибудь!

Я на дожде насквозь промок,
Шагая налегке.
Мой подмосковный городок
Отсель недалеко.

Мне не держать в руках ружье —
Глаза мои темны,
Но сердце зрячее мое
Не терпит тишины.

Быть может, песенка моя
Придется ко двору.
А если надо будет — я
Со зрячими умру.

.

Рабочей, золотой души
Был комиссар у нас.
Сказал он писарю: — Впиши
Товарища в приказ. —

В полях, освистанных свинцом
Военных непогод,
Баян зачислен был бойцом
В стрелковый первый взвод.

С дороги тропка завилась
В блиндажную нору.
И вправду — песенка прилась
Бригаде ко двору.

Песня вторая

Поднявшись спозаранку,
Товарищ наш слепой
Все ходит по землянкам
Натоптанной тропой.

На черный ящик сядет —
«Концертник, что ли, дам?»

Ремень к плечу приладит,
Ударит по ладам.

День гулко рвется миной,
Снарядом воеет зло.
А с песенкой старинной
Не страшно и тепло.

Средь боевого шума
Напев высок и чист...
— О чем на сердце дума,
Товарищ баянист?

— Подсядь ко мне поближе.
Про молодость свою,
Про все, что сердцем вижу,
Я песенку спою.

За прибережной кручей
Угрюмые леса.
Баян ты мой певучий,
Стальные голоса.

За прибережной кручей
Сожженные сады.
Баян ты мой певучий,
Послушные лады.

Над прибережной кручей
На ветлах воронье.

Баян ты мой певучий,
Оружие мое.

У края жизни смело
Лады баяна тронь.
И кажется — запела
Далекая гармонь.

Мила она, как вести
О дальней стороне,
Как о невесте,
О друге, о жене.

И кажется — в небесной
Холодной вышине
Душа летит за песней
К потерянной весне.

Та песенка простая
Понятна и близка.
И тает, отлетая,
Окопная тоска.

Тоска, как льдинка, тает,
И не страшна пурга.
Подснежник прорастает
Сквозь черные снега.

Поля росой умылись,
Ручьи светлей слюды,

И зеленью покрылись
Сожженные сады.

Играй, баян мой старый,
О солнце и весне
Над русской речкой Нарой
В железной тишине.

Песня третья

Не долго до рассвета
Над лесом стыть луне.
Зеленая ракета
Сгорает в вышине.

Морозные иголки
Летят с большой сосны,
Как ломкие осколки
Железной тишины.

Взлетели из метели
Железные стрижи.
Землянки опустели,
Притихли блиндажи.

Огня струей багровой
Кустарник опален.
В ружье, на смерть готовый,
Поднялся батальон.

Все ближе рев и топот,
Все резче ветра свист.
Наощупь из окопа
Выходит баянист.

Сечет свинец горячий,
Над полем сталь гудет,
А он вперед, как зрячий,
Уверенно идет.

Над полем небо в звездах.
От залпов ночь глуха.
Баян глотает воздух
В просторные меха.

Над прибережной кручей,
Над ширью ветровой
Запел баян певучий
Под грохот боевой.

В снегах ложины тесной,
Где берег Нары крут,
Сквозь смертный вихрь за песней
Товарищи идут.

Провыла мина волком.
Рассвет качнулся, мглист.
И, раненный осколком,
Споткнулся баянист.

Но в грохоте и вое
Та песня не умрет.
К слепцу подходят двое,
Ведут его вперед.

Как ураган на воле,
Как снежных глыб обвал,
Бушует в мертвом поле
«Интернационал».

Звенит над болью жгучей
И гонит забытье...

Баян ты мой певучий,
Оружие мое!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>«В громе яростных битв прф- летают над нами...»</i>	<i>3</i>
Предчувствие весны	
<i>Новогоднее раздумье</i>	<i>5</i>
<i>Предчувствие весны</i>	<i>6</i>
<i>К вопросу о весне</i>	<i>7</i>
<i>Танки идут в атаку</i>	<i>8</i>
<i>Первомайская баллада</i>	<i>9</i>
<i>Скворцы прилетели</i>	<i>11</i>
Современники	
<i>Современники</i>	<i>13</i>
<i>Разговор с будущим</i>	<i>15</i>
<i>Исповедь воина</i>	<i>17</i>
<i>Связист</i>	<i>19</i>
<i>Однажды ночью</i>	<i>20</i>
<i>Бессмертие</i>	<i>21</i>
<i>Дружба</i>	<i>22</i>
<i>Письмо</i>	<i>25</i>
<i>Зимняя сказка</i>	<i>27</i>
<i>Застольная песня</i>	<i>28</i>
<i>Ключи к сердцу</i>	<i>29</i>
Дороги ведут на запад	
<i>Дороги ведут на запад</i>	<i>31</i>
<i>Наступление</i>	<i>32</i>
<i>Возвращение</i>	<i>33</i>
<i>Вперед! — Белоруссия</i>	<i>34</i>
<i>Встреча</i>	<i>35</i>

<i>Возмездие</i>	<i>36</i>
<i>Клятва над кровью</i>	<i>37</i>
<i>Девушки нашей страны</i>	
<i>Девушки нашей страны . . .</i>	<i>40</i>
<i>Таня</i>	<i>42</i>
<i>Партизанка Лиза</i>	<i>44</i>
<i>Девушка в шинели</i>	<i>45</i>
<i>Песня о слепом баянисте</i>	
<i>Песня о слепом баянисте .</i>	

Цена 1 руб.